

Научная статья
УДК 94
DOI 10.46698/a0278-8791-4342-d

В.С. Пукиш

Кавказ и его народы в восприятии Сватоплука Чеха

Владимир Степанович Пукиш

Адыгейский государственный университет, ассистент, магистр филологии, онома-
толог, переводчик, г. Будапешт, Венгрия, pukish68@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу путевых заметок по Кавказу и литера-
турных произведений о Кавказе чешского поэта и прозаика Сватоплука Чеха, от-
ражающих этнографические, исторические и культурные аспекты региона. Чех,
находясь под влиянием Лермонтова и традиций романтической литературы, со-
четал личные впечатления с литературными источниками, создавая образы
местного населения и природы Кавказа. Основное внимание уделяется циклам
«Воспоминания о Кавказе» и «Картины из Колхиды», а также новеллам из цикла
«Несколько картинок с Кавказа» и эпической поэме «Черкес». В статье анализи-
руются художественные, романтические и этнографические аспекты текста,
взаимоотношения автора с различными этническими группами (черкесы, осети-
ны, казаки), а также роль русского освоения Кавказа в восприятии Чеха. Отмеча-
ется, что некоторые оценки автора в историческом и этнографическом плане
отражают мировоззрение XIX века и не могут быть приняты без критического
осмысления. Публикация также включает русский перевод глав путевых заме-
ток Чеха, посвященных Осетии и осетинам, с сохранением терминологии того
времени.

Ключевые слова: Сватоплук Чех, Кавказ, путевые заметки, романтическая ли-
тература, этнография, Осетия, черкесы, казаки, поэма «Черкес», «Воспомина-
ния о Востоке», «Воспоминания о путешествиях и жизни»

Для цитирования: Пукиш В.С. Кавказ и его народы в восприятии Сватоплука
Чеха // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2025. Т. 25. № 4.

С. 64–71. DOI 10.46698/a0278-8791-4342-d

Благодарность. Автор благодарит доктора филологических наук, ведущего на-
учного сотрудника ЦСАИ ВНЦ РАН Ирлана Хугаева за ценные подсказки по осе-
тинскому языку и этнографии.

The Caucasus and Its Peoples in the Perception of Svatopluk Čech

Vladimir Pukis

Master of Philology, assistant lecturer of Adyghe State University, onomatologist, author,
translator, Hungary, Budapest, pukish68@gmail.com

Abstract. The article analyses the travelogues and literary writings about the Caucasus
written by the Czech poet and prose writer Svatopluk Čech, which reflect the ethnographic,
historical, and cultural aspects of the region. Influenced by Lermontov and the traditions of
Romantic literature, Čech combined personal impressions with literary sources to create
vivid portrayals of the local peoples and the natural landscape of the Caucasus. The
study focuses on the cycles "Memories of the Caucasus" and "Sketches from Colchis,"
short stories from the cycle "Several Pictures from the Caucasus" and the epic poem
"The Circassian." The article explores the artistic, romantic, and ethnographic dimensions
of Čech's writings, his depiction of various ethnic groups (Circassians, Ossetians, and
Cossacks), and his perception of Russia's expansion into the Caucasus. It is noted that
some of the author's historical and ethnographic judgements reflect the worldview of the
19th century and require critical reassessment. The publication also includes a Russian
translation of the chapters from Čech's travel notes devoted to Ossetia and the Ossetians,
preserving the terminology of the period.

Keywords: Svatopluk Čech, Caucasus, travelogue, Romantic literature, ethnography,
Ossetia, Circassians, Cossacks, poem "The Circassian," "Notes from the East," "Notes
from Travels and Life."

For citation: Pukis V.S. The Caucasus and Its Peoples in the Perception of Svatopluk
Čech // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2025. Vol. 25. No. 4.

P. 64–71. DOI 10.46698/a0278-8791-4342-d

Acknowledgement. The author thanks Irlan Khugaev, Dr., Leading Researcher of the
Comprehensive Research Department of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, for valuable advice on Ossetian language and ethnography.

В 1874 году Кавказ посетил Сватоплук (Святополк) Чех (1846–1908)¹ – чешский поэт, прозаик, сатирик, журналист. Исследователи указывают, что на его становление как поэта-романтика известное влияние оказал Михаил Лермонтов (см., напр. [2]). С молодых лет Чех интересовался Кавказом; в 1871 году он написал компилятивные «Картинки с Кавказа». Однако после личного знакомства с этим краем его путевые заметки будут гораздо более глубокими (и романтичными).

Итоги своих путешествий по Кавказу С. Чех подводит в двух циклах произведений, причем написанных в различных жанрах. Первый – это циклы собственно путевых заметок «Воспоминания о Кавказе» (1875) и «Картинки из Колхиды» (1885). Они представляют собой хронологическое изложение путешествия с подробностями местного быта, написанное в шутливо-юмористическом ключе. Кроме того, автор дополнял собственные впечатления информацией, почерпнутой из русской и западно-европейской литературы, касающейся недавнего прошлого края.

Совсем в ином ключе написаны шесть новелл, объединенных под названием «Несколько картинок с Кавказа» (1874–1876). Здесь события нескольких дней, а иногда и нескольких разных мест рассматриваются с точки зрения какой-нибудь одной типичной ситуации. Игра авторской фантазии здесь словно купается в горячем воздухе «дикого Востока»: например, в первой «картинке» почти романная фигура старого адыга Арслана-бея, приехавшего из Турции в разрушенный родной аул, чтобы встретить смерть, – полностью плод авторской фантазии. Новелла «Адыге» [3] (русский пер. см. [4]) – это скорее эскиз к романтической поэме «Черкес» (1875), а не листок, вырванный из путевого дневника и дополненный другими литературными источниками, каковыми являются главы, посвященные шапсугам и абадзехам из «Воспоминаний о Кавказе».

Сватоплук Чех прошел Кавказ как путешественник-романтик. Он писал, что этот край манил его «великолепием своей природы, красотой своих сыновей и дочерей, волшебством своих тайн, дремлющих в глубоких оврагах и ущельях».

В отношении горной кавказской природы Чех как романтик ощущает и покорность, и страх перед неприступной девственностью, нетронутым человеком краем, и понимание того, что в этом краю найдет свой последний приют сердце, неуспокоенное жизнью и отвергнутое людьми.

С. Чех старается в своих заметках дополнить природу этнографическим стаффажем, и он повсюду ищет типажи для своих черкесов, грузин, осетин, армян, персов и евреев – на рынках, в корчах, банях и во время молитвы... Из этих типов два про-

рисованы наиболее четко: это черкес-абрек, неприимый противник христиан, свирепый мститель, не знающий пощады, и казак-пластун, обжившийся на Кавказе и хотя принявший черкесские обычаи, но оставшийся проводником «славянского империализма». О черкесах, правда, Чех судит только по литературным источникам – он проезжал по полностью опустевшему вскоре после Кавказской войны Черноморскому побережью. В письме своей матери, посланном из Новороссийска, он пишет: «Прогуливаясь по окрестным лесам и горам и вижу на крутых тропах черкесских всадников в живописном военном облачении, с кривой саблей и тонкой винтовкой, в развевающейся бурке; вижу черкешенок с пузатыми кувшинами на голове, которые спускаются к горным источникам, вдали вижу дым, курящийся над аулом, черкесской деревней – то есть вижу я это все мысленно, потому как о черкесах ныне в здешних горах и на всем Кавказе не осталось и следа».

Несмотря на это, во вступительных главах к «Воспоминаниям о Кавказе» С. Чех на основании русских источников детально описывает нравы, судьбы и историю черкесских племен, а первым очерком цикла ставит новеллу «Адыге», в которой показывает трагическую судьбу черкесов.

С казаками Сватоплук Чех, наоборот, сталкивался не раз – и в населенных пунктах, и посреди «дикой вольности природы». О русских воинах на Кавказе – как о рядовых солдатах, так и об офицерах – Чех всегда отзывался с симпатией, даже с восхищением. Так же он относится и к казакам. Российское освоение Кавказа для Чеха – деятельность, которая помогла защитить коренное население от их собственных царьков и от фанатизма мусульманских завоевателей. Понятие «славянского империализма» для Чеха означает культурный подъем отсталых окраин. Исследователи отмечали, что кавказское путешествие укрепило любовь к русской культуре С. Чеха, наследника панславянских идей и ученика русофильских традиций чешской интеллигенции: «Сватоплук Чех, недавно перед тем черпавший из глубокого лермонтовского источника, здесь прямо припал к традициям русской поэзии...» [5, с. 139].

Под впечатлением этой поездки была написана эпическая поэма «Черкес» [6, с. 83–118] (в русском переводе фрагменты поэмы см. [7]). В этом произведении ощутимо влияние как восточных поэм Дж. Байрона, текстов А. Мицкевича, так и русской романтической литературы о Кавказе. Поэма представляет собой романтическое размышление о трагических судьбах народов на фоне Кавказской войны. В центре повествования – рассказ молодого казака о своей любви к чешской девушке Людмиле, живущей в Мефодиевке – селе чешских

¹ Сватоплук Чех родился в 1846 г. в местечке Остршедек в Средней Чехии в патристической чешской семье. После окончания юридического факультета Карлова университета в Праге короткое время работал адвокатом-стажером; вскоре полностью посвятил себя литературе. Был редактором нескольких литературных журналов. Совершил ряд путешествий – на Кавказ, в Данию, Хорватию. Умер в Праге в 1908 г. [1].

переселенцев под Новороссийском (в примечаниях к тексту поэмы автор отмечает, что он побывал в этом селе), и о загадочном исчезновении возлюбленной. Позже оказывается, что она сбежала к черкесу, посвятившему свою жизнь мести за изгнание своего народа. Черкес, одержимый жаждой возмездия, убивает чужаков и, даже полюбив Людмилу, закалывает и ее. В финале, плененный казаками, он гордо принимает смерть и просит похоронить его по мусульманскому обряду.

Весьма интересны авторские этнографические примечания к поэме. В них даны объяснения некоторым кавказским реалиям, использованным в произведении. Вот их список: нагайка, бурка (причем, объяснив это слово как «мохнатую накидку кавказских горцев», Чех добавляет: «Казаки на Кавказе приняли черкесскую одежду»), аул, чехло (должно быть «чехол» – «мохнатая войлочная сумка для ружья»), арбузы, бурдюк («кожаный мешок для вина. Наибольшей славой пользуется на Кавказе вино кахетинское»), дьяче (звательный падеж от «дьяк»), кинжал, чардак («чердак»), архалух (современное написание архалук – «нижний облегающий кафтан кавказцев, обычно сшитый из пестрой, светлой ткани»; отметим, он может быть и верхней одеждой), канла («кровная месть»), Асраил («ангел смерти»), сура (глава Корана), арба, чоха («верхнее длинное пальто кавказцев, с разлетающимися свисающими рукавами»), Иблис («сатана»).

В поэме Сватоплука Чеха «Черкес» отчетливо слышны мотивы тоски по родине – чужая земля, хоть и богата и изобильна, все же не может за-

менить родную Чехию. Поэтому своеобразным контрастом звучат строки из другой поэмы Сватоплука Чеха, «В тени липы» (1880) [6, с. 119–200], в которых идет речь о вести, разнесшейся по чешским землям, что в «далекой Руси, аж где-то под Кавказом», «в славянской земле, среди братьев» для переселенцев-чехов может расцвести «новая дорогая родина», нужно лишь «двинуть девственную землю», т. е. начать ее обрабатывать, и «безлюдный край превратится в волшебнo-прекрасный рай» [6, с. 187]. И вот – «многие собираются в дружный путь» из Чехии на Кавказ (с ними – и лирический герой поэмы).

Настоящая публикация, состоящая из трех частей, представляет собой первый, насколько нам известно, перевод на русский язык глав из путевых заметок *Upomínky z Východu. Obrázky z pouťi po Kavkaze a z cestý zpáteční* («Воспоминания о Востоке. Очерки из путешествия на Кавказ и обратно») [8] и *Vzpomínky z cest a života* («Воспоминания о путешествиях и жизни») [9], посвященных Осетии и осетинам.

Следует отметить, что не все рассуждения автора, касающиеся истории, межэтнических отношений и этнографических наблюдений, представляются сегодня бесспорными. На их формирование, по-видимому, повлияли как особенности эпохи и мировоззренческие установки автора, так и иные объективные и субъективные факторы. В тексте перевода также сохранена этнографическая терминология соответствующей эпохи.

Сватоплук Чех

Воспоминания о Востоке

Очерки из путешествия на Кавказ и обратно²

Sebrané spisy Svatopluka Čecha. Díl XX. Doplněk prósy. Praha: F. Topič, 1905. S. 189–193. © Перевод с чешского Владимира Пукиша

V. ВОЕННАЯ КАВКАЗСКАЯ ДОРОГА³

6

(<...> — Гоби. — Население вдоль дороги. — Осетинское кладбище.)

<...> В ауле Гоби, расположенном недалеко от почтовой станции, проживают осетины. Вообще вдоль Военно-Грузинской дороги от Владикавказа до Тифлиса чередуются осетинские и грузинские деревни. Грузины – единоверцы и искренние друзья русских, в высших слоях общества отличаются учтивостью и охотно вступают как на гражданскую, так и на военную службу. Осетины тоже не враги русским. До прихода последних они были народом,

который соседи – мусульманские племена – нередко притесняли; некоторых из них обратили в ислам <...> Часть осетин издавна восприняла от грузин христианскую веру, другие же оставались язычниками вплоть до нынешних времен. Однако даже осетины-магометане не выступали с черкесами и чеченцами против русских, а напротив, чаще склонялись на их сторону.

Таким образом, можно утверждать, что Грузинская военная дорога – важнейшая линия сообщения между Россией и Закавказьем – не подвергается никакой угрозе со стороны ближайших соседей. Дальше к западу, правда, обитают остатки некогда мятежных племен, которых прежде ошибочно объ-

² Опубликованное в 1885 году, это произведение представляет собой сборник путевых очерков Сватоплука Чеха, основанных на его путешествиях по Кавказу и обратной дороге через Турцию и Балканы. Чех подробно описывает свои впечатления от посещенных мест, включая природу, культуру и быт местных народов. Особое внимание уделяется описанию Стамбула, где автор с иронией отмечает отсталость инфраструктуры, включая состояние железных дорог и военного оборудования Османской империи. Эти наблюдения служат для Чеха поводом для размышлений о модернизации и взаимодействии Востока и Запада. – Здесь и далее прим. перев.

³ Имеется в виду Военно-Грузинская дорога, по которой автор ехал из Тифлиса во Владикавказ.

единяли под общим именем черкесов. Однако после переселения собственно черкесов эти разрозненные группы родственных племен, обитавших в западной горной местности, стали слабыми и беспомощными. Куда более серьезная угроза могла бы надвигаться с востока – из Чечни и Дагестана.

Следует, кроме того, отметить, что даже Шамилю в самые опасные для России времена не удалось перерезать эту жизненную артерию, по которой русский элемент в Закавказье черпает из глубин империи все необходимое для своего существования.

В Гоби мне довелось ближе познакомиться с жизнью осетин. Каменные *сакли*⁴ местных *аулов* мало чем отличаются от тех, что я видел на Казбеке; однако среди них встречаются и вполне аккуратные одноэтажные постройки, изредка даже обладающие некоторым изяществом.

Мельницы столь же примитивны, как и везде на Кавказе. Но особенно любопытно устройство кладбища. Надгробия состоят из камня, выложенных в форме гроба, на которые установлены различные фигурки, грубо высеченные из камня. Иногда это лишь очерченные человеческие торсы, иногда – целые изваяния, в которых, однако, с трудом можно различить пол покойного, чей образ эти образчики наивной скульптуры пытаются запечатлеть. Даже самые примитивные идола языческой эпохи, встречающиеся в наших краях⁵, кажутся произведениями искусства по сравнению с творениями осетинской художественной фантазии.

VI. ВЛАДИКАВКАЗ

1

(Вид на туман. — Дорога во Владикавказ с севера. — Новая железная дорога.)

Панорама Владикавказа славится своим величием. Позвольте описать вам ее такой, какой она предстала передо мной в утро после моего приезда.

На юге, за городом, я увидел сизо-серый хаос из облаков, тумана и пара, метавшихся в беспомощной попытке сотворить что-то и поглощающих в зародыше все свои бесплодные творения: то они сворачивались в тяжелые, потемневшие тучи, то завивались, как волны белого озера, а вон там рассыпались в легкие светлые облачка, в другом месте клубились дымом, крадучись по лесистым горным ущельям. Иногда туман вздымался, словно парус, и под

Фото 1. Черкешенки

Фото 2. Осетинки в Махческе

Фото 3. Грузинки

Фотографии (1, 3) типов кавказских народов из труда «Кавказские и среднеазиатские путешествия графа Евгения Зичи» (ZichyJenő – Jankó János - Pósta Béla: Zichy Jenő gróf kaukázusi és középázsiai utazásai 2. A magyar faj vándorlása (Budapest, 1897)). Фото взяты из газеты Vasárnapi Ujság («Воскресная газета»), Будапешт, № 26, 27.06.1897. (URL: <https://epa.oszk.hu/00000/00030/02262/pdf/02262.pdf>) и (2) – венгерского альпиниста, путешественника Мора Дейчи (Déchy Mór, 1951–1917). (URL: <https://dka.oszk.hu/html/kepoldal/index.phtml?id=59409#>; <https://epa.oszk.hu/00000/00030/01886/pdf/01886.pdf>). (Фото взято из цифрового архива MNMCK OSZK Digitális Képtárchivum в Будапеште.)

⁴ Курсивом в тексте отмечены слова, написанные автором по-осетински или по-русски (как он это определил на слух) латиницей, в соответствии с правилами чешской орфографии. Осетины не называют свои села аулами, а дома саклями; здесь автор, по-видимому, руководствовался известными ему стереотипными представлениями о Кавказе.

⁵ Чешских землях.

ним обнаруживался бурый склон какой-то скалы; иной раз эта воздушная нить рвалась на длинные развевающиеся лоскуты, сквозь которые проступал фантастический силуэт каменного конуса. Это была гора! И вдруг – на миг, высоко над ее вершиной, в небесной выси, тучи разорвались, и в прорехе мелькнула полоса зеленого леса – в такой головокружительной высоте, что невольный зритель замирал от изумления, а воображение тут же рисовало нечто грандиозное, скрытое за этим серым занавесом. Но едва я успел разглядеть этот лес над облаками, как он исчез, будто зрительное наваждение, – и снова надо мной остались только пар, туман, дым и облака. Такой в день после моего приезда оказалась прославленная панорама Владикавказа.

На следующий день южный горизонт немного прояснился, но полного великолепия гор мне так и не довелось узреть.

Хотя скупой Владикавказ и оставил во мне горькое воспоминание, я все же должен рекомендовать вам его посетить. Уверен, вам повезет больше, чем мне.

В наши дни вы можете добраться туда, скажем, следующим удобным способом. Достаточно дойти до ближайшего вокзала и сесть в железнодорожный вагон. Дальше остается лишь изучить расписание поездов и приобрести билет; обо всем остальном позаботится паровоз.

<...> Я же прибыл туда совершенно иным путем – с юга, из жаркой, прелестной Грузии, насытив до того взор величием Кавказских гор, через самую их сердцевину, по которой я пробрался на север в простой русской почтовой бричке. Потому и переносил я со сдержанным раздражением недоброжелательность судьбы, что на протяжении всей недели прямо застилала мне туманом и облаками прославленную горную панораму над Владикавказом. <...>

2

(Внешний облик Владикавказа. — Коллекция кавказского оружия. — Вид на горы. — Земляки. — Пивоварня и сельскохозяйственная школа. — Караван калмыков.)

Кто уже видел южнорусские города, вряд ли найдет во внешнем виде Владикавказа что-либо примечательное. Его низкие, разноокрашенные дома вытянулись вдоль пологого берега Терека по ровным улицам, пересекающимся под прямым углом. Этот однообразный узор оживляет лишь обилие зелени – кроны деревьев пронизывают город насквозь.

Несколько зданий выделяются размерами, но в остальном особого интереса не представляют, разве что живописными группами луковичных куполов русских церквей и отделанными чертами персидского зодчества. Здесь пренебрегают штукатуркой и фасадным декором, но зато их красные кирпичные стены не похожи на нашу стену, сложенную из однообразных горизонтальных рядов кирпичей: здесь кирпичи выложены то вертикально, то наискось –

один ряд так, другой иначе, нередко в форме стоячих и лежащих крестов, ломаных линий, зигзагов и других затейливых узоров. Кажется, у персов есть особый архитектурный дар. Кавказские города кишат персидскими каменщиками – в синих шароварах, с круглыми войлочными шапочками, плотно обтягивающими обритые головы. Они массово переселяются сюда под начало предприимчивых мастеров и быстро, дешево (злые языки добавляют – и плохо) возводят всевозможные постройки по европейским образцам. Мне нравилось наблюдать за муравьиным движением этим пестрых фигур: под ними, будто сами собой, безо всяких лесов, на глазах вырастали легкие кирпичные стены.

Я все же увидел во Владикавказе одну достопримечательность – коллекцию оружия генерала Меликова, тогдашнего начальника Терской области. На небольшой возвышенности над Владикавказом, в тени раскидистых деревьев парка, белел его скромный летний домик. Проник я в это домашнее святилище совсем не романтическим образом. Я познакомился с земляком по фамилии Шиц, чья портняжная мастерская была настоящей меккой, куда с надеждой устремлялись взгляды как смуглых владикавказских красавиц, так и черных, сверкающих глаз всех жен и дочерей казачьих офицеров из тихих, тенистых станиц в окрестностях. Этот счастливцев был желанным гостем и в дамских покоях летнего дома Меликова.

Объемный сверток у него подмышкой распахнул передо мной все двери. Мажордом в сопровождении свирепого с виду, но безобидного черкеса провел меня через комнаты и, наконец, с гордостью ввел в оружейную. Стены просторного зала были обиты военным снаряжением, собранным со всех уголков Востока. Здесь можно было видеть виды оружия, которые неискушенный европеец с легкостью принял бы за романтические творения средневековья – если бы не безупречный блеск металла, красноречиво свидетельствующий об их недавнем происхождении. Это оружие еще недавно вселяло ужас, когда им размахивали свирепые черкесы, а сейчас ими гордятся каждый кавказский горец: округлые шлемы, легкие кольца, короткие железные булавы с рифленой головкой, широкие боевые топоры на тонких топорщах. Рядом мое привлекали внимание длинные персидские ружья с серебряной отделкой и вытянутым стройным ложем, турецкие знамена, нагайки с искусной вышивкой на сердцевидном кожаном навершии, таинственные боевые атрибуты, изображавшие распластанную шипящую змею на конце железного жезла, – несомненно, боевые знаки. Черкесские шашки с тонкими клинками, украшенными золотыми арабскими и надписями, поражали своим прекрасным голубым отблеском, отмеченным той самой дымчатой матовостью, которую арабский поэт сравнивает с роем движущихся муравьев.

На обратном пути я еще осмотрел руины старых городских стен и более поздние укрепления, кото-

рыми город был снабжен в пятидесятых годах – для защиты от набегов дерзкого Шамиля.

Этим, пожалуй, и исчерпывается все, чем Владикавказ может похвастаться перед чужеземцем. Да и зачем ему пышные здания? Как жалко выглядели бы даже высочайшие купола рядом с этими каменными колоссами, чьи ледяные вершины возвышаются над городом в недостижимой высоте!

Заволоченный горизонт понемногу прояснялся: показались лесистые дымящиеся туманом холмы, за ними – тени дальних гор, пробивающиеся сквозь серую завесу, то бурые, то серые скалы причудливых очертаний и широкие склоны Кавказских Альп: где-то каменистые, где-то травянистые, там – поросшие кривыми соснами, здесь – опоясанные густым лесом, который то целой армией стройных стволов устремляется ввысь, то ползет вверх узкими ущельями, словно темная борода по глубоким морщинам обветренного лица.

Постепенно из хаоса разорванного тумана выныривали вершины этих исполинов: одни – с легким налетом снега на макушке, другие – будто посыпанные искрящимся сахаром, третьи – с совершенно белыми шапками, словно сахарные головы, или с длинными белыми гребнями, от которых отходят остроконечные шпили и кромки – вечно замерзшие, сверкающие в вечном серебряном убранстве. Дальше облака не расступались. Самые высокие царства вечного снега и льда не пробудились от тумана, и их девственная белизна сливалась с дымкой, словно кипящее молоко с паром – в колеблющийся, смутный хаос.

Хотя завеса с вершин Дихтау и Казбека так и не спала, меня на каждом шагу, когда я проходил среди низких домов Владикавказа, сопровождало чувство величия, какого не могли бы вызвать ни самые роскошные дворцы, ни храмы: над своей головой я все время лицезрел строй других заснеженных гигантов, с безмерной высоты снисходительно смотрящих на узкие городские улицы.

Но Владикавказ интересен не только своим величественным окружением – он увлекает своими людьми.

Вначале разделяюсь с наименее живописной частью этого пестрого народного узора – европейским населением. Его ядро, разумеется, составляют русские. Но здесь также много иностранцев, особенно немцев, которые занимаются разными ремеслами и пользуются гораздо большим покровительством, чем местные мастера. Об этом свидетельствует, к примеру, приставка *иностранец*, нередко встречающаяся как хвалебный эпитет на вывесках портных, сапожников и т. д. сразу за их именем.

Не могу не упомянуть и соотечественников. Как почти повсюду на своем пути, я встретил нескольких и здесь. Помимо портного Шица, я познакомился с военным капельмейстером по фамилии Киндль и еще с одним земляком – пивоваром. Последний

раньше был портным в Тифлисе, но ремесло ему наскучило, он купил котел и занялся варкой пива. Когда я посетил его миниатюрную пивоварню, он как земляку налил мне самое лучшее. Из благодарности умолчу о вкусе его пива. Замечу лишь, что на Кавказе варят и похуже. Пиво с каждым годом находит все больше почитателей, но пивоварение там все еще не вышло из пеленок. Лишь пивоваренный завод в Тифлисе варит напиток сносного качества. Не знаю, что мешает более успешному развитию этой отрасли. Хмеля там достаточно. Говорят, Кавказ – прародина нашей виноградной лозы. С тем же правом его можно было бы назвать и родиной хмеля: весь кавказский лес буквально оплетен хмелем. Если, как мне сказали, местные пивовары действительно используют исключительно этот дикий хмель, неудивительно, что их продукт не лучше *чихиря* – вина, которое кавказские горцы готовят для себя из мелких темных ягод дикого лесного винограда.

Другой мой соотечественник, пан Бушек, живет недалеко от Владикавказа. Русское правительство выделило ему там значительный участок земли для устройства сельскохозяйственной школы и образцового хозяйства. Мы с Шицем отправились к нему. Дорога вела нас по ровной, как стол, поросшей травой равнине – преддверию обширных северных степей – мимо небольшого казачьего поста. Мы увидели усадьбу внушительного вида и широкую огороженную территорию, разбитую на поля и грядки с разнообразными сельскохозяйственными и садовыми культурами. Все, однако, находилось еще в зачаточном состоянии. Пока что сильнее всего бросалась в глаза гигантская буква М, выложенная в саду пламенеющими цветами в честь, кажется, генерала Меликова.

Жилище господина Бушека обставлено с большим вкусом. Но лучшая его часть – это, безусловно, вид из высоких окон, обращенных к юго-востоку: именно отсюда, всего несколькими днями ранее, восхищался величием кавказских гор знаменитый путешественник барон Гюбнер⁶, следовавший в Персию.

Дождь ненадолго задержал нас в усадьбе Бушека. Когда он прекратился, мы отправились в обратный путь. Наш легкий экипаж катился почти беззвучно, словно на обмотанных тканью колесах, по травянистой и гладкой степи. Воздух был свеж и прозрачен, а над зелеными гребнями горизонта с двух сторон раскинулись великолепные дуги радуги.

Мимо нас на маленьком белом коне пронеслась дама стройной фигуры с развевающейся вуалью – мадам Бушкова, возвращавшаяся из Владикавказа.

Недалеко от города мы повстречали караван калмыков – откуда они ехали и куда держали путь, известно одному Богу. Ряд низких повозок на высоких колесах, с кожаным покрывалом, натянутым на изогнутые дуги, образующими спереди острый свод. И в каждом таком своде – лицо с косыми, мы-

⁶ Александр Гюбнер (1811–1892) – австрийский дипломат, писатель, уполномоченный Австрии на Парижских конференциях о мире в 1856 году и австрийский посланник в Париже.

шинными глазами, столь же причудливое, как и сами эти телеги. Вот вам и подходящее вступление к этнической пестроте Владикавказа.

3

(Кавказские казаки. — Мусульмане. — Станции. — Горцы. — Священники. — Почитатели дьявола. — Мусульманские священнослужители.)

Казаки на Кавказе в этнографическом отношении представляют собой некий переход от Европы к Азии. В восточной части Предкавказья, по обоим берегам Терека до Хвалынского (Каспийского) моря, в Терской области, главным городом которой является Владикавказ, живут линейные казаки; в западной части, до Черного и Азовского морей, в Кубанской области — казаки кубанские. Первые — отпрыски донских казаков, по происхождению великороссы, вторые — потомки славных запорожцев, сохранившие малорусский облик и язык.

Ядро линейных казаков Терской области составляют казаки гребенские. Свое имя они получили от горного хребта — первого отрога Кавказских гор за Терек, где они первоначально и поселились. Это были донские казаки-беглецы, бежавшие сюда от железной руки московских царей. Говорят, что первым со своим отрядом за Терек проник атаман Андрей, соратник Ермака, знаменитого покорителя Сибири. В XVII веке за ними последовала волна русских старообрядцев и сектантов, изгнанных из родных мест жестокими гонениями. Этот приток вскоре «оказачился», то есть слился с местными казаками. К тому их вынудили условия новой жизни.

Очутившись среди народов иного племени, языка и веры, среди диких и воинственных горских племен, не терпевших незваных гостей на своей вольной земле, казаки не могли позволить себе расслабиться. Их новые станицы не знали покоя — они были окружены валами и рвами, словно крепости, а дозоры несли службу день и ночь с высоты сторожевых вышек, легко и причудливо сбитых из жердей и бревен. Жизнь казаков здесь текла, как в осаде: с ружьем за плечами шли они за плугом, и даже выходя в камыши или леса близ станицы, должны были быть готовы к кровавому столкновению.

В непрерывной борьбе с кавказскими горцами казаки постепенно перенимали облик своих неприятелей: вооружение, живописный наряд, боевые приемы и уловки и даже сам образ жизни. Со временем северная кровь смешалась с горячей кровью черкесской и чеченской — так возникло поколение, отличавшееся поразительной телесной красотой. Красота гребенских казаков, их стройность и прелесть воспеваются повсюду.

На первый взгляд трудно отличить местного казака от горца: оба статны и стройны, с загорелым смугловатым лицом и живыми, чаще темными глазами. На голове — меховая папаха с выпущенным верхом из светлой ткани, на теле — длинный, наглу-

хо застегнутый у шеи черкесский бешмет с газырями на груди, высокие сапоги, за поясом — кинжал и изящная кавказская шашка, за плечами — длинное ружье в лохматом чехле из верблюжьей шерсти.

Сидят они в высоком черкесском заостренном спереди и сзади седле с короткими стремянами. Любоваться кавказскими казаками, упражняющимися в верховой езде, — истинное удовольствие. Несмотря на единый общий покрой, их обмундирование далеко от однообразной армейской униформы — ведь каждый казак шьет себе одежду на свой вкус, выбирая ткань и цвет по желанию. Их длинные, доходящие почти до щиколоток, куртки могут быть самых разных цветов: один казак выбирает оливковый цвет, другой — оранжевый, третий — гранатово-красный; словом, каждый подбирает то, что ему по душе. Та же пестрота наблюдается и в верхушках их шапок. А когда эти статные, ярко одетые фигуры мчатся по зеленой равнине, зрелище в бликах стремительного галопа и в искусных маневрах всадников предстает удивительно живое и красочное. Не менее разнообразны и украшения оружия и коней, зависящие от вкуса и достатка всадника.

Но под черкесским внешним обликом кавказский казак сохранил в неприкосновенности древнерусскую сущность. Ни вера, ни язык его не подверглись здесь, среди чужих народов, искажениям. Спасаясь когда-то от гнета неласковой русской власти, на Терек и Кубань казак сам того не ведая стал ее первопроходцем и опорой на подступах к Кавказу. Когда же позже, подобно волне, докатилась до этих южных рубежей мощь централизованной державы, она застала здесь уже прочно укорененную русскую стихию — казачьи станицы. Горцы отлично понимали значение этих поселений. Они говорили: «Крепость — как камень, брошенный в поле: ветер и дождь унесут ее прочь, а станица — как растение: пускает корни и быстро оплетает все вокруг».

Россия встретила здесь, на краю своих владений, своего потерянного сына — и тот без колебаний принял к ее груди. Обе стороны быстро поняли, что общий интерес в примирении. Взамен верной службы и побед над Кавказом российская власть закрыла глаза на особенности веры и быта казаков, позабывшись лишь о прочной организации их войска. Так с помощью казачества ей удалось укротить Кавказ и подчинить закавказские земли. А теперь и казак сам пользуется плодами своего труда — благами долгожданного мира. Он может спокойно пахать поля, радоваться жизни, не опасаясь внезапного набега.

Казачьи *станции* Предкавказья основаны по единому образцу. Их план образует правильный квадрат, пересеченный под прямым углом продольными и поперечными улицами. Окаймляет этот четырехугольный вал, сверху густо заросший непроходимым колючим кустарником, а снаружи — глубокий ров. С двух сторон в станицу ведут ворота. Но несмотря на строгость плана, станицы не производят однообразного впечатления. Все здесь, как в казачьем наряде: каждый вносит в детали свое пони-

мание вкуса и красоты. В постройке домов и в их украшении царит приятное разнообразие. Особенно приятно поражает взор аккуратность – образцовая чистота. Посреди зеленого простора в центре станицы стоит церковь, окруженная раскидистыми деревьями. Изобилие буйной зелени наполняет всю станицу прохладой и приятной тенью.

Во Владикавказе казаки бывают охотно и весело. Здесь они весело проводят время, шумно кушают, бродят гуляками по бульвару под сенью стройных деревьев и по вечерам слушают звучную военную музыку в городском саду. Мимо них гордо и вольно прохаживаются по улицам стройные фигуры ингушей, кабардинцев, грузин, чеченцев и других горцев. Кто бы мог перечислить все оттенки этой этнографической мозаики, населяющей Предкавказье, Центральный Кавказ и Дагестан! До сих пор далеко не все камешки этой мозаики уложены на место – в глухих горных ущельях по-прежнему скрываются до сих пор не изученные племена. Но бесспорно одно: здесь этнограф находит подлинный Вавилон народов, наречий и обычаев.

Хотя большая часть населения исповедует ислам, здешнее религиозное разнообразие поражает. В этом пестром людском потоке есть и христиане, и язычники, и почитатели огня, и даже почитатели дьявола. Последние известны под именем езидов. Они утверждают, что Сатана – мученик своей веры и что однажды он примирится с Богом. Князя тьмы они изображают в виде павлина. Сторонясь других

людей, езиды предпочитают разбивать свои шатры в самых глухих и безлюдных местах. Об их религиозной убежденности ходят поразительные рассказы – так, если очертить вокруг езиды мелом или углем круг, он якобы не покинет его, пока черта не будет стерта: он верит, будто заколдован – как и его адский повелитель – в этом магическом кольце, и никакая сила на свете не заставит его добровольно нарушить заветы.

Что касается одежды, то костюм магометан, посещающих Владикавказ, в целом схож с казачьим. Однако их папахи пышнее, фасоны – вычурнее, а лица – резче и более дикие. Часто встречаются носы с выраженным орлиным изгибом – резко очерченные, с крутым профилем. Некоторые из них живо напоминают фанатичных мюридов Шамиля. Особенно грозно сверкают черные глаза чеченца или кабардинца под белым тюрбаном, которым с гордостью опоясан лоб и висок хаджи – паломника, побывавшего у гробницы пророка. Подобное впечатление производит и группа горцев-магометан, когда они идут пешком или едут верхом, а в центре шествия движется му'ах – духовный наставник в длинной мантии и тюрбане, с включенной седой бородой и полуприкрытым, но пылающим взором, в котором, кажется, еще тлеет тот злобный огонь, что когда-то пылал в глазах великого пророка Казимуллы – предшественника Шамиля, вдохновившего пламенем газавата весь Кавказ – от Черного до Каспийского моря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронный ресурс: <http://www.cesky-jazyk.cz/zivotopisy/svatopluk-cekch.html>. Дата обращения: 08.10.2025.
2. Блюмова, Дагмар. Творчество М.Ю. Лермонтова в чешской культуре, искусстве и мысли на рубеже XIX–XX вв. // Лермонтов М.Ю. в культуре западных и южных славян. Сборник статей / Отв. ред. Л.Н. Будагова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 418 с. С. 27–38.
3. Kresby z Kavkazu. Listy od Svatopluka Čecha. 1. Adige // Lumír, č. 2, Praha, 1874. S. 385–387.
4. Святополк Чех. Адиге. Из архива горской эмиграции. С чешского перевел: Эльмурза Бекович-Черкасский // Кавказский горец, № 2–3, Прага, 1925. С. 28–35.
5. Arne Novák. Svatopluk Čech. Dílo a osobnost. Díl první [Сва-

- топлук Чех. Творчество и личность]. Praha – Karlín, [1921].
6. Nová sbírka veršovaných prací od Svatopluka Čecha [Новое собрание стихотворений Сватоплука Чеха]. Praha: Nákladem Knihkupectví Dra. Grégra & Ferd. Dattla, 1880.
7. Сватоплук Чех. Черкес. Пер. Александра Пряжникова // Литературная Кабардино-Балкария, № 5, 2014. С. 210–214.
8. Svatopluk Čech. Vzpomínky z cest a života [Воспоминания о путешествиях и жизни]. Praha, 1901.
9. Svatopluk Čech. Upomínky z Východu. Obrázky z pouťi po Kavkaze a z cesty zpáteční [Воспоминания о Востоке. Очерки из путешествия на Кавказ и обратно] // Svatopluk Čech. Doplněk prósy. Praha, 1905.

REFERENCES

1. Electronic resource: <http://www.cesky-jazyk.cz/zivotopisy/svatopluk-cekch.html>. Date of access: 08.10.2025.
2. Blumová, Dagmar. Tvorчество M.Yu. Lermontova v cheskskoi culture, iskusstve i mysli na rubezhe XIX–XX vv. [The Ouvre of Mikhail Lermontov in Czech Culture, Art, and Thought at the Turn of the 19th–20th Centuries]. In: Lermontov M.Yu. v kulture zapadnykh i yuzhnykh slavians [Mikhail Lermontov in the Culture of the Western and Southern Slavs]. Collection of Articles. Ed. by L.N. Budagova. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2016. 418 pp. – Pp. 27–38.
3. Kresby z Kavkazu. Listy od Svatopluka Čecha. 1. Adige // Lumír, č. 2, Praha, 1874. – S. 385–387.
4. Svatopluk Čech. Adyghe. Iz arkhiva gorskoi emigratsii [The Adyghe. From the Archive of the Highlanders' Emigration]. Translated from Czech by Elmurza Bekovich-Cherkassky. In: Kavkazskiy Gorets [The Caucasian Highlander], Nos. 2–3, Prague, 1925. – Pp. 28–35.
5. Arne Novák. Svatopluk Čech. Dílo a osobnost. Díl první. Praha – Karlín, [1921].
6. Nová sbírka veršovaných prací od Svatopluka Čecha. Praha: Nákladem Knihkupectví Dra. Grégra & Ferd. Dattla, 1880.
7. Svatopluk Čech. Cherkas [The Circassian]. Translated by Aleksandr Pryazhnikov. In: Literaturnaya Kabardino-Balkariya [Literary Kabardino-Balkaria], No. 5, 2014. – Pp. 210–214.
8. Svatopluk Čech. Vzpomínky z cest a života. Praha, 1901.
9. Svatopluk Čech. Upomínky z Východu. Obrázky z pouťi po Kavkaze a z cesty zpáteční // Svatopluk Čech. Doplněk prósy. Praha, 1905.